

ЕЩЕ РАЗ О СЛЕДАХ СЛАВЯНО–ИРАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЛЕКСИКЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Проблема взаимоотношений иранских и славянских языков, включающая широкий спектр вопросов, принадлежит к разряду вечных: будучи в самом общем виде обозначенной исследователями начала прошлого века, она непрерывно обогащалась новыми данными, количество и удельный вес которых напрямую зависели от общего состояния разработанности иранской и славянской этимологии, сравнительной грамматики, лингвогеографии и теории языковых контактов. И сегодня ее будущее также во многом зависит от накопления этимологий, тем или иным образом уточняющих общую картину славяно-иранских связей, потому по мере сбора частных наблюдений над материалом из вводимых в научный оборот новых источников у этой проблемы будут возникать новые аспекты, обеспечивая ей дальнейшую перспективу. Некоторым из таких наблюдений посвящен настоящий доклад.

Представленный в нем материал делится на две группы: 1) примеры славяно-иранского взаимодействия на уровне лексики, результатом которого стала выработка общей для части носителей древней иранской и славянской речи суммы антропонимов-комполит, близких мотивационно (а при этимологическом тождестве одного из элементов сложений – еще и генетически) и тесно связанных с религиозно-этической сферой, в которой влияние иранского было особенно заметно; 2) примеры возможных лексических заимствований из иранского в славянский.

К первой относятся: а) композиты с первой частью **bog-*: иран. **baga-*: псл. ***bogoŷma** ~ иран. *Bakakeya, Irdakaya* (***Bagaxaya-**, ***Rtaxaya-**)

Вост.-слав. **Богоѣма* (: укр. *Бегейма*, блр. *Багаѣма* (г. Барановичи) – фамилии, отражающие фонетически измененные формы), воспроизводящее утраченное в апеллативной лексике архаичное сложение **bogo-ŷma* с первым компонентом **bogŷ* и вторым ~ **ŷmo* (праес. к **eti*). Из этого, однако, не следует вывод, что **bogoŷma* – это ‘имеющий Бога’. Скорее всего, препозитивное **bog-* употреблено тут со знач. ‘доля Бога’ или же ‘счастье’, ‘изобилие’, ср. семантику рефлексов производного прилаг. **bogatŷ* ‘богатый’, ‘обильный’, ‘знатный, благородный’ (ЭССЯ 2, 158). Если **bogoŷma* рассматривать как ‘имеющий счастье, долю от Бога’, то уместным будет сравнение с древними иран. именами **Bagaxaya-* и **Rtaxaya-* (в эламских передачах V в. до н. э. – *Bakakeya, Irdakaya*), букв. ‘(Обладающий) долей Бога’ и ‘(Обладающий) долей божества праведности’ (приведены по: Лившиц 2003, 84). Принимая в расчет иранское влияние на праславянскую лексику религиозной сферы (и на связанную с ней антропонимию; Трубочев 50), одним из аспектов которого было оформление и стабилизация псл. **bogŷ* как культового термина, предположим, что псл. **bogoŷma* является частичной калькой имени типа **Bagaxaya-*, возможно, бытовавшего в речи восточноиранских племен, с которыми общались предки современных восточных славян.

Если же псл. **bogoŷma* толковать как ‘имеющий счастье’, ‘наделенный изобилием’, то и в этом случае оно (правда, уже только типологически) также может быть сопоставлено с иранским лексическим материалом, ср. согд. **farnbērtāk* ‘носитель фарна’, осет. *farnug* ‘наделенный фарном’ ~ *farn, farnæ* – общеиранское полурелигиозное понятие, включавшее в себя небесную благодать, благополучие, преуспевание, откуда значения произв. слов ‘преуспевающий’, ‘богатый’ и под. в осет. и согд. языках (см., напр.: Абаев 1958, 421–422; Абаев 1979, 287–288; ЭСИЯ 3, 440–441). С другой стороны, принимая во внимание семантическую связь слав. произв. от **bogŷ* с и.-е. лексикой со знач. ‘доля’, ‘делить’, ‘получать долю’ (ЭССЯ 2, 161; см. еще SP 296–297: **bogŷ* 2), вполне вероятно толкование псл. **bogoŷma* как древнего социального (правового) термина, обозначающего человека, который имел свою долю в чем-либо, чего-либо (= ‘долю/часть имеющий’).

Предложенная выше реконструкция древнейшей формы укр. *Бегейма*, блр. *Багаѣма* и объяснение общих черт их ономастиологии кажутся более

приемлемыми, чем восстановление этимологически невыразительных **bagylma*, **bo-gylma*, где первый компонент – префикс, а второй – основа с неизвестным значением (см.: Шульгач 20).

Псл. ***bogorodъ** ~ иран. *Meγασίδρας* (***Baga-čitra-/ *Baga-čiθra-**)

Вост.-слав. *Богород*, *Богородов* – совр. фамилии, изредка встречающиеся у граждан России, Украины и Польши, где отмечена форма *Bogorodź* (SNP 802), вероятно, вторичная к **Bogorod*. Впрочем, уверенно можно говорить только о рус. и пол. формах, т. к. в укр. языке это слово произносилось бы как **Bogorid* с закономерным развитием *o > i* в новозакрытом слоге. Едва ли относится к фамилиям, происходящим от прозвищ, которые давались рожденным в день почитания кого-то из православных святых, т. к. в этом случае она бы имела суффикс относительности *-ск-*, ср. *Богородицкий*, *Успенский*, *Кузьмодемьянский* (*Козьмодемьянский*) и др. Сравнение с однокоренными образованиями вроде рус. диал. свердл. *богородка* ‘чебрец обыкновенный (богородская трава)’, урал. ‘растение из сем. гречичных; змеевик’ волог. *богародник*, *богородник* ‘попрошайка’ и под. (СРНГ 3, 42, 53) проблематично: в первом случае при близости структуры нашей фамилии с растительным названием все-таки остается размытым мотив номинации, во втором мы имеем дело со сращением *бога ради*, оформленным суфф. комплексом *-н-ик* (ср. соответствующее прилаг. на *-н-* в СРНГ 3, 42).

В исследовании истории названных фамилий нужно учитывать, что некоторые слав. имена-композиции с основой **bog-* ‘бог, божество’ являются кальками или прямыми заимствованиями из древних иран. языков (ср. **bogodanъ/*bogъ-danъ* ~ мид. *Baga-dāta* ‘данный Богом’, **boguxvalъ* ~ иран. **Baga-xvarna-*, ср. перс.-мид. *Baga-farna-* ‘славный перед Богом’; ЭССЯ 2, 159, 161: вслед за Т. Милевским), потому в *Богород* и др. антропонимах при отсутствии более правдоподобного объяснения можно видеть псл. **bogo-rodъ* – кальку с **Baga-čitra-/ *Baga-čiθra-*, ср. *Meγασίδρας* (у Геродота) – отец Дотоса (букв. – ‘из божественного рода, семени’; Justi 57: **Bagačipra* (?) сравнивается с пехл. *mīpōčitrē*) со второй частью, обозначавшей ‘семя; род, племя; происхождение’ (см.: ЭСИЯ 2, 259).

Псл. ***bogorokъ** ~ др.-перс. *Meγαβάζης* (***Bagabāzu-**)

Рус. *Богорук*, *Богоруков* – совр. фамилии. Как и в предыдущем случае, речь может идти о кальке с иран. оригинала, которым могло быть личное имя **Bagabāzu-*, ср. *Meγάβαζος* (у Геродота), др.-перс. *Meγαβάζης*, букв. – ‘являющийся рукой Бога’ или ‘имеющий власть от Бога’ (Justi 56), аналогичный др.-перс. антропоним отмечен в эламских источниках – **baga-bāzu-*, **baga-bādu-* (ЭСИЯ 2, 161: как ‘рука Бога’). География указанных фамилий не выходит за пределы России и Украины, и на фоне этого обстоятельства проступают два аспекта истории заключенного в них композита: 1) ареальный, подводящий к мысли о принадлежности его к следам славяно-персидского взаимодействия (ср. тезис о важности свидетельств контактов персидского со славянскими диалектами в: Эдельман 14: со ссылкой на работы В. Н. Топорова),

затронувшего только часть вост.-слав. (проторусских?) племен, что, как будто, находит поддержку в иран. материале, представленном перс. формами; 2) хронологический, на основании которого сумма персидских и хорезмийских элементов в духовной, религиозно-этической вост.-слав. лексике относится к эпохе ранних русско-иранских контактов (см., напр.: Топоров 1995, 508–531), в связи с чем возраст калькирования может оказаться сравнительно поздним.

Впрочем, ситуацию можно представить и по-другому: комментарий к слав. словам, в части, касающейся области их распространения, уточняется, если предположить отражение псл. **bogorokъ* также и в др.-чеш. *Bohoryuka*, 1440 г. (Морошкин 15: *Богорука*), что влечет за собой переориентацию на незападноиранский источник калькирования и отнесение **bogorokъ* к разряду более древних следов Irano-Slavica.

Псл. **bogusqđь* ~ авест. *baγō.baxta-*

Чеш. стар. *Bohusud*, *Bogusud* – личные имена, (произв.) *Bohusudov* – топоним (Miklosich 34: **богъ**). Антропонимическое сложение **bogъ & *sqđь*, содержащее свернутую синтагму '[Тот, кто] предназначен/пожертвован (букв. – присужден) Богу', и, вполне вероятно, оформленное не без иранского влияния, ср. авест. п. *baγō.baxta-* 'предназначенное Богом, богами' (ЭСИЯ 2, 53) с теофорной основой в субъектной функции, а также элам. личное имя *ba-qa-da-u-šá* (**bagađauša-*) = 'Божья жертва', 'жертва Богу' (Hinz 55), '[Тот, кто] жертвован Богу'. Ср. еще близкие с точки зрения номинации иран. личные имена: парф. *mtrdt*/Mihrdāt, Μιθριδάτης < **Miθra-dāta* 'Посвященный Митре' (или 'Созданный Митрой'), а также в арамейской записи *dtmtr* < иран. **Dāta-miθra-* (Лившиц 2010, 111).

Псл. **boževojь* ~ иран. **baga-spāda-*

Слвц. стар. *Božvoj* – личное имя (приводится по: Majtán 208). Архаичное антропонимическое сложение основы **bog-/bož-* с **vojь*, возможно, оформленное под влиянием иран. имен типа **baga-spāda-*, букв. 'тот, кто с войском Бога' (пример взят из: Эдельман 158) в период славяно-иранских культурных контактов;

б) образования с постпозитивным **mysl-*: иран. **mana-*:

псл. **l'udemyslъ* ~ авест. *airyaman-*, *airyāman-*

Др.-серб. *Liudemisl*, 814, 822 гг. (Морошкин 115: *Людомысль*, *Людемысль*), *Liudemuslus* – слав. антропоним в средневековых латинских документах (Майков 411), *Liudemuhslus* – слав. имя, упомянутое в старых немецких памятниках письменности (Miklosich 72: читается как *Ljudemysl*). Сложение **l'udъ & *myslъ*.

Интересным и говорящим в плане выяснения мотивов комбинации этих основ оказывается иран. **arja-man-*, продолжения которого обозначают друга, товарища, человека из высшей касты арийского общества, ср. авест. *airyaman-*, *airyāman-* (Bartholomae 198; ЭСИЯ 1, 223), но одно из них употреблялось как имя племенного божества ариев – *Ариаман*, примерно – «ария-мысль», т. е. мыслящий о племени, покровитель народа (?) (Стеблин-Каменский 161: *Йасна*

54). Такое толкование семантики (видимо, в наиболее архаичном ее состоянии, позднее уже *‘друг/товарищ народа’ → ‘друг/товарищ’) иран. имени-композиата вполне применимо к псл. **l'ude-myslъ* «о людях/племени мыслящий», где **l'ud-* как ‘народ, люди’ (знач. рефлексов см.: ЭССЯ 15, 194) по функции эквивалентно иран. **arjā-* (народ ариев, арии), а **myslъ* ‘«мысль», думающий’, также как иран. **mana-*, имеет в основе и.-е. **men-* ‘думать’. Нам пока не известны аналоги **l'ude-myslъ*: **arjā-man-* за пределами иранского и славянского, потому эти композиты предварительно можно определить как общественно-религиозные термины, выработанные в период славяно-иранских контактов. Если эти термины обозначали вождя народа, который в древнем обществе часто обожествлялся, то употребление их в качестве теонима (возможно, через стадию имени легендарного предка), как в случае с арийским примером, закономерно.

Псл. **nezamyslъ*/**nejъzmyslъ* (?) ~ ср.-перс. *apēgumān*

Др.-чеш. *Nezamisl*, чеш. *Nezamysl* (Miklosich 78: **мысль**), полаб. *Nezemiscles* (приводится по: Шафарик 201: читает как *Незамысль*). Производное на базе **ne zamysliti*. Вместе с тем, полаб. имя совсем не однозначно в структурном отношении, т.к. допускает возможность параллельного прочтения как **nejъzmyslъ* ~ **ne jъzmysliti*, ср. чеш. диал. *zmysliti si* ‘выдумать, придумать’ (ЭССЯ 9, 50). Ср. близкое в плане мотивации (отчасти также и в этимологическом отношении – слав. **mysl-* : иран. **mana-*) ср.-перс. *apēgumān* ‘не имеющий сомнений’, ‘не сомневающийся’, где *apē-* – преф., указывающий на отсутствие какого-либо признака или качества (как рус. *без-*), *gu-* – непродуктивная приставка (как рус. *с-*), а корень *-mān* (в составе *gumān* ‘мнение’, ‘сомнение’) соотносителен с praes. *mēn* ‘думать’, ‘мыслить’ (Расторгуева 36, 83) ~ перс. *gumān* ‘(со)мнение’, ‘вера’, ‘убеждение’ (Cheung 263: **man-*).

Псл. **pravomyslъ* ~ др.-перс. *Ardumaniš*

Пол. *Prawomyśl* – известное назв. местности (р-н Бяловежи), произв. на *-jъ* от соответствующего антропонима. Архаичное антропонимическое сложение adj. **pravъ* с **myslъ*, букв. – *‘праведный в помыслах’, ‘справедливый в замыслах’. Псл. **pravomyslъ* имеет близкий в типологическом и (частично) этимологическом отношении иран. аналог в виде др.-перс. *Ardumaniš* (в эламской передаче – [artumanniš], в вавилонской – *a-ar-di-ma-ni-iš*) – имя одного из союзников Дария против Гауматы, состоящее из *ardu-* ‘справедливый, верный’ и *maniš* ‘разум; мысль’ (Tolman 67). Принимая во внимание этимологическое тождество псл. **myslъ* : иран. **mana-*, их одинаковую роль в составе антропонимов-композит и тесные славяно-иранские контакты древнейшей поры, имеет смысл говорить об одном из многих следов языкового взаимодействия (возможно, речь идет о кальке) двух этносов, представленном **pravo-myslъ* : **rdu-mani-* (ср. подачу в ЭСИЯ 1, 206 др.-перс. *Ardumani* под **rdu-* – расширением корня **ar-* : **r-*, легшего в основу иран. слов со знач. порядка, правильности, истины).

Псл. **vyšemyslъ* ~ зап.-иран. Σμερδομένης (**Brdamaniš*)

Полаб. *Vezemuiszl*, XI в. (пример взят из: Press 13: как **vyšemysl-*). Сложение **vyše* (compar. ~ **vysokъ* ‘высокий’) и **myslъ*, часто выступающего составной частью антропонимов-комполит. Псл. **vyšemyslъ* (= ‘[более] высокого образа мысли’) представляет собой один из следов славяно-иранского языкового взаимодействия в лексико-семантической сфере, сопровождавшегося выработкой суммы общих моделей номинации для двусоставных личных имен с обязательным этимологическим тождеством одного или обоих составляющих компонентов. Как иран. соответствие слав. форме может быть указано упомянутое у Геродота Σμερδομένης – имя сына Отаны, т. е. **Brdamaniš*, составленное из **brd-* – форма с «юго-западным» *d* к иран. **brz-* ‘высокий’, ‘возвышенный’, ‘великий’, т. е. ‘высокого образа мысли’ (Грантовский 273), и **man-* < и.-е. **men-* ‘думать’, которое в славянском осложнено суфф. *-sl-*. Предложенное соответствие псл. **vyšemyslъ* : зап.-иран. **Brdamaniš* – свидетельство контактов предков западных славян с иранскими народами;

в) остальные сложения:

псл. **dobrotvorъ* ~ иран. *Uakirtu* (**Vahu-kṛta-*)

пол. *Dobrotwór* – совр. фамилия (SNP 2064), укр. стар. *Добротворъ* – имя (Демчук 44), произв. *Добротворъ* (в пол. документах *Dobrotwór*), XIX в. – назв. местности в бывш. Золочевском уезде (Галичина; Головацкий 102), представляющее собой j-овый посессив (с отвердевшим конечным *-p*).

Образование на базе **dobro tvoriti*, хотя не лишено вероятности также предположение о кальке с иран. имени типа **Vahu-kṛta-* (в аккадских фиксациях 714 г. до н. э. – *Uakirtu*, *Makirtu*), состоящего из **Vahu-*, которое в качестве первого члена иран. имен-комполит употреблялось преимущественно с религиозно-моральным знач. ‘благой’, ‘добрый’, и **kṛt-* ‘совершающий действие’, ‘деятельный, активный’, ‘дело’, ‘действие’, ‘деяние’, ср. авест. *kərət-* ‘делающий’, ‘активный (в чем-либо)’ (см. о нем: Грантовский 139, 241, 247). Оба эти толкования не являются взаимоисключающими: возникнув как продукт ирано-славянского взаимодействия в лексике нравственно-идеологической сферы и связанной с ней антропонимии, псл. **dobrotvorъ* было поддержано этической формулой **dobro tvoriti*, состоявшей из того же генетического материала и способствовавшей закреплению композита в группе личных имен, образованных от словосочетаний с нравственной семантикой.

Псл. **potomirъ* ~ иран. **Miθra-pāta-*

Слав. *Потомир*, XVII в. – имя сына гетмана Костина (МЭФ 86). Восстановленная форма интересна тем, что сохраняет и.-е. социальный термин **pot-s* ‘господин’, ‘глава (рода, селения, дома)’, который в славянском реализуется исключительно в составе нескольких сложений (ср. **gospody*, **potъbъga*; ЭССЯ 7, 61–63). Эта структура, состоящая из **pot-* & **mirъ*, где второй компонент, согласно исследованию В. Н. Топорова, обозначал также мир как общину, имеет близкую аналогию в виде др.-инд. *mitra-pati-*, иран. **Miθra-pāta-* (приведены по: Топоров 2006, 94, где в качестве слав. соответствия

арийским формам указано **Voldi-mirь*) с тем же **pot-*, но уже инвертированным, ср. также структурно и семантически одноплановое др.-инд. *viśpāti-* ‘господин, глава общины’ < и.-е. **uoīk-pot-* ‘господин, глава селения’ (ЭССЯ 7, 62).

2. Вторую группу составили:

псл. **bьrdomirь* ~ ср.-перс. *Burz-mihr-*, бактр. *Borzomiuuro*, *Borzomioro*, *Borzomiro* (зап.-иран. **Brdā-miθra-*)

Др.-серб. *Брадими́р* (*Franciscus Bradimir*, 1332 г.). Это имя, зафиксированное в Шибенике, В. Михайлович приводит среди производных от *Брад-* ~ *бра́да* ‘борода, подбородок’, оставляя, однако, открытым вопрос о семантической мотивировке объединения *Брад-* с *-мир* в одном слове и отмечая отличие *Брадими́р* от антропонимов типа *Жутобрад*, *Мрkobрад* (Михајловић 95). Неуверенность сербского исследователя в определении функции препозитивного *Брад-* вполне понятна: если в последних двух фамилиях оно действительно тождественно названию бороды, которому предшествуют определения *жу́т* ‘желтый’ и *мр̑к* ‘темный’, и структура слов видится абсолютно прозрачной (как в рус. *желтобородый*, *темнобородый*), то в *Bradimir* его наличие под сомнением как раз из-за неясности логики всего сложения. Обоснованно можно говорить только о том, что *Bradimir* это действительно сложная структура и что в нем выделяется препозитивный сегмент, внешне напоминающий схв. *бра́да*, и постпозитивный, фонетически равный *мир*. Ситуация подсказывает, что, скорее всего, перед нами слово с переосмысленной морфологией, обычно встречающейся либо у реликтовых форм, либо у древних заимствований.

Предложенный выше прототип представляет славянское освоение иранского личного имени **Brdā-miθra-*, т.е. зап.-иран. формы к восстанавливаемому в литературе **Brdā-miθra-*, ср. такие его продолжения, как ср.-перс. (из сев.-зап.) *Burz-mihr-*, бактр. *Borzomiuuro*, *Borzomioro*, *Borzomiro* (ЭСИЯ 2, 118: **barž-* : **brž-* ‘быть высоким; поднимать(ся) кверху, возвышаться’, ‘увеличиваться в размере, в силе’), т.е. ‘Возвышенный Митрой’. В праславянские диалекты Балкан **Brdā-miθra-* проникло тем же путем (и, вероятно, в то же время – V в. н.э.), которым остальные, немногочисленные, западно-иранские лексемы попали в речь другого балканского народа – албанцев (см.: Орел 51: с замечанием, что вопрос о зап.-иран. элементах может быть поставлен и для ю.-слав. языков). Имеется в виду прямое заимствование из языка западно-иранских этнических групп, вторгшихся на Балканы в составе союза болгарских племен.

Дальнейшая судьба **bьrdomirь* напоминает развитие других имен, вырванных из их родной языковой среды: вторая часть адаптированного к слав. фонетике иран. имени, будучи исконно родственной и фонетически близкой псл. **mirь*, позднее так и воспринималась как *-mir*, первая же, видимо, из-за отсутствия сколько-нибудь устойчивых ассоциаций с схв. корнями,

сочетавшимися с *mir* в композитах, рано попала под влияние имен с сегментом *brad-*, ср., напр., **ob-rad-*, т. е. **Bъrdomirъ* > **Brdomir* > *Bradimir*.

Едва ли стоит видеть в *Bradimir* исконное **Ob-radi-mirъ* – при значительной популярности в схв. антропонимии сложения **ob-rad-* (ср., напр., имя выдающегося серб. просветителя XVIII в. Досифея *Обрадовича*) трудно предположить переразложение основы, которая поддерживалась тесным структурным соотношением с большой группой морфологически близких образований. Тогда пришлось бы говорить о единичном случае декомпозиции, странным образом не затронувшей остальные имена с этой основой³⁸.

К упомянутому выше иран. **Bjzā-miθra-* ср. личные имена с иным порядком компонентов (+ суфф.): парф. *mtrb(rzn)|Mihrbarzan* < **Miθra-bjzāna-* ‘Возвышающий Митру (?)’, *Μιθραβαρζάνης*, в эламской передаче – *Mitraparzana* (Лившиц 2010, 110: как **Miθrabjzāna-*).

Псл. **bogomanъ* (?) ~ иран. **Baga-mana-*, **Baga-manu-*

Ст.-рус. Тихом-р *Богаманов*, 1637 г. (Пам. ЮН 75). Кажущаяся прозрачность структуры антропонима, на первый взгляд, делимого на **bogъ* & **man-* (~ **maniti*, ср. др.-серб. *Manislav*, XIII, XIV вв.; ЭССЯ 17, 197), в действительности не дает ни малейшего намека, хотя бы, на общие контуры семантики сочетания подобных компонентов. Часто такая ситуация возникает при работе с заимствованиями, морфология которых была переосмыслена под давлением внешне сходных элементов заимствующего языка. Продолжая эту мысль, укажем вероятность того, что **bogomanъ* – это адаптация иран. **Baga-mana-*, где к обозначению бога присоединено **mana-* ~ и.-е. **men-* ‘думать’ (ср. далее слав. **bogomyсль*, **božemyсль*), или же **Baga-manu-* со второй частью **manu-* ‘муж, мужчина’ (‘муж перед Богом’, ‘божий человек’), не известной большинству иранских языков, но отмеченной в скифском и осетинском (см. Абаев 1965, 30). Такие имена могли существовать у скифов (отсутствие их в известных сегодня списках имен не может быть доказательством обратного из-за фрагментарности сведений о скифской антропонимии), и, если верна наша догадка, при заимствовании в славянский их постпозитивный элемент должен был оформиться как *-manъ*, а не *-monъ* (при ожидаемом о < иран. а) именно из-за отождествления его с корнем глаг. **maniti*, выступающим составной частью слав. имен-комполит.

Псл. **къртобогъ* (**кърдобогъ*?) ~ иран. **Krta-baga-/K̄rda-baga-*

Др.-пол. *Cordebog*, 1418 г., *Cordbog*, 1424 г., *Cordebogk*, 1433 г., *Kord(e)bog*, *Kortbok*, *Kurdebok*, *Kordbok*, *Korc(z)bog*, *Korc(z)bok* – личные имена (SSNO III, 83, 85). Ранее др.-пол. *Kordbog*, *Kordebog*, наряду с антропонимом

³⁸ Из доступной сегодня южнославянской антропонимии с указанной основой декомпозиция *Об-рад* > *О-брад* и далее – *Брад* наблюдается лишь в одном болг. примере, ср. *Брад*, XV в. при *Обрад*, XIII в., серб. *Обрад*, *Обрадац*, *Обрадило*, *Обрадин* (приведены по: Васильев 218).

Kord, толковались как исконно славянские образования, содержащие псл. **kъrd-* ~ и.-е. *(s)ker- ‘гнуть’, ‘резать’ (Козлова 157), но при этом компонент *-bog*, равно как и весь характер сложения, остался в тени. Принять предложенную этимологию можно лишь удовлетворившись общим подобием отдельных графических вариантов др.-пол. имени предполагаемому прототипу, но далее предположений о чем-то связанном с понятием неровности или же о чем-то, что было укорочено, урезано, отделено, исследование генезиса этого антропонима не продвинется.

Прежде всего, нужно выяснить, какую из известных форм считать этимологически наиболее авторитетной, т. е. максимально приближенной к прототипу, и, соответственно, что это за прототип. Принятие в качестве основного варианта с *-d-* означает согласие с реконструкцией **kъrd-* и игнорирование остальных фиксаций. Семантика группы лексем, с той или иной степенью достоверности возводимых к **kъrd-* (Козлова 153–178), может быть обобщена в виде ‘ограда’, ‘кладь/копна сена, поленица’, ‘множество’, ‘изогнутый’, ‘изгибаться’, ‘короткий, низкорослый’, что также не способствует прояснению смысла всего композита с не вполне понятной второй частью. Если предположить за перебоем конечных *-g* : *-k* неточную запись *bok* ‘бок’, в перечисленных именах можно усматривать старое **Kardo-bok* или вариантное **Karto-bok* = *Кривобокуй*. Однако слав. лексика такого рода образовывалась не от **kъrd-/kъrt-*, а от основы **kъrn-* ‘обрезанный, поломанный’, ср. **kъrnodurъjъ*, **kъrnolarъjъ*, **kъrnoparъjъ*, **kъrnopokъ(jъ)* и др. (ЭССЯ 13, 232–233), потому трактовка др.-пол. слов как **Kardo-bok* или **Karto-bok* выглядит сомнительной.

Делая ставку на фиксации с *-t-*, мы приходим к новому решению. Кажется, названные антропонимы могут быть непротиворечиво истолкованы как иранское заимствование праславянской эпохи, а именно – **Kъta-baga-* с первым компонентом, соотносительным со скиф. *karta*, авест. *karata-* ‘меч, нож’ & иран. названием Бога, божества, букв. ‘[Кто] с мечем Бога’ или ‘Меч Бога’, ср. инвертированное иран. **Baga-karta-/Baga-kъta-*, возможно, отраженное в *Bagakart* – 1) имя царя персов (на монете с его изображением); 2) вероятно, имя его же внука (Justi 57: без объяснения). К примерам деривации иран. личных имен от **karta-/kъti-* ‘меч’ ср. скиф. *Carthasis* – брат скифского царя времени Александра Македонского = *kart-as* ‘меч асов’ (*as* – скифское племя) (Абаев 1979, 293). Варианты с *-d-* являются либо результатами деэтимологизации имени (тогда становится ясным и происхождение фиксаций *Korc(z)bog*, *Korc(z)bok*), свою роль в которой сыграла ассимиляция по звонкости *tb* > *db* после утраты *-o-*, либо продолжениями **Kъda-baga-* – вторичной к *Kъta-baga-* диал. формы, ср., напр., рефлексы **karta-/kъti-* с этим *-d-* в ЭСИЯ (4, 314–316). Собственно, неясность хронологии, причин озвончения зубного (ассимиляция на слав. почве – только одна из вероятных) и обусловили подачу **kъrdobogъ* с вопросительным знаком. В завершение отметим: если предложенная этимология верна, то иран.

Kṛta-baga-* (Kṛda-baga-*?) может оказаться еще одним дополнением к списку слов, обозначенных О. Н. Трубачевым как Polono-Iranica.

Литература

Абаев 1958 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. I.

Абаев 1965 – Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. – М. : Наука, 1965.

Абаев 1979 – Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М. : Наука, 1979. – С. 272–364.

Васильев – Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2005.

Головацкий – Головацкий Я. Географический словарь западославянских и югославянских земель и прилежащих стран. – Вильна, 1884.

Грантовский – Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии: 2-е изд., испр. и доп. – М. : Вост. литература, 2007.

Демчук – Демчук М. О. Слов'янські автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV–XVII ст. – К. : Наук. думка, 1988.

Козлова – Козлова Р. М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. – Гомель: БелГУТ, 1997.

Лившиц 2003 – Лившиц В. А. Согдийские документы из замка Чильхуджра // Scripta Gregoriana: Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. – М.: Вост. литература, 2003. – С. 77–88.

Лившиц 2010 – Лившиц В. А. Парфянская ономастика. – СПб. : Петерб. лингвист. общество, 2010.

Майков – Майков А. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа. – М., 1857.

Михајловић – Михајловић В. Српски презименик. – Нови Сад : Аурора, 2002.

Морошкин – Морошкин М. Славянский именовослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. – СПб., 1867.

МЭФ – Молдова в эпоху феодализма. Молдавские и славяно-молдавские грамоты и записи 1671–1710. – Кишинев : Штиинца, 1992. – Т. VI.

Орел – Орел В. Э. Балканские этимологии // Балканско езикознание. – 1984. – Т. XXVII, № 4. – С. 49–54.

Пам. ЮН – Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. – М. : Наука, 1993.

Расторгуева – Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык. – М. : Наука, 1966.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л. ; С.-Петербург : Наука, 1965–2006. – Вып. 1–40.

Стеблин-Каменский – Стеблин-Каменский И. М. Комментарий // Гаты Заратуштры / Пер. с авестийского, вступ. статьи, комментарии и приложения И. М. Стеблин-Каменского. – СПб., 2009.

Топоров 1995 – Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. – М.: Гнозис, 1995. – Т. 1: Первый век христианства на Руси.

Топоров 2006 – Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) // Исследования по этимологии и семантике. – М. : Языки славян. культуры, 2006. – Т. 2, кн. 2. – С. 11–141.

Трубачев – Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования: 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003.

Шафарик – Шафарик П. Й. Славянские древности / Пер. с чеш. О. Бодянского. – М., 1848. – Т. II.

Шульгач – Шульгач В. П. Нариси з праслов'янської антропонімії. – К. : Довіра, 2008.

Эдельман – Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. – М. : Вост. литература, 2002.

ЭСИЯ – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. – М. : Вост. литература, 2000–2011. – Т. 1–4.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд. – М. : Наука, 1974–2011. – Вып. 1–37.

Bartholomae – Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. – Strassburg, 1904.

Cheung – Cheung J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb. – Leiden; Boston, 2007.

Hinz – Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. – Wiesbaden, 1975.

Justi – Justi F. Iranisches Namenbuch. – Marburg, 1895.

Majtán – Majtán M. Chronologické a geografické rozvrstvenie zložených slovanských osobných mien // Slovenská reč. – 1986. – Roč. 51, č. 4. – S. 206–210.

Miklosich – Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen. – Heidelberg : Carl Winter, 1927.

Press – Press J. Ian Aspects of the Phonology of the Slavonic Languages: The Vowel *y* and the Consonantal Correlation of Palatalization. – Amsterdam, 1986.

SNP – Słownik nazwisk używanych w Polsce na początku XXI wieku / [oprac. K. Rymut]. – Kraków: PAN, 2003 (электронная версия).

SP – Słownik prasłowiański. – Wrocław etc., 1974. – Т. I.

SSNO – Słownik staropolskich nazw osobowych. – Wrocław etc. : PAN, 1965–1985. – Т. I–VII.

Tolman – Tolman H. C. Ancient persian lexicon and the texts of the Achaemenidan inscriptions transliterated and translated with special reference to their recent re-examination. – New York etc., 1908.